

Об изменении критериев социальной стратификации российского общества

В этом коротком выступлении мне бы хотелось вернуться к общим проблемам трансформации социальной структуры российского общества. Одним из важных моментов социоструктурной динамики является изменение сравнительной роли и конкретного содержания критериев стратификации общества. Основными критериями этой стратификации принято считать: *политический* потенциал общественных групп, выражающийся в объеме их властных и управленческих функций; *экономический*, проявляющийся в масштабах их собственности, а также *социокультурный* потенциал, отражающий уровень образования, квалификации и культуры, особенности образа и качества жизни. Названные критерии в известной степени связаны, но вместе с тем они образуют относительно самостоятельные "оси" стратификационного пространства. Понятия политического, экономического и социокультурного потенциалов общественных групп приложимы к большинству современных обществ, но их конкретное социальное содержание и относительный "вклад" в групповые социальные статусы в каждом обществе специфичны.

Россия находится в стадии перехода от посттоталитаризма к политической демократии и от огосударственной административно-распределительной — к приватизированной рыночной экономике. Соответственно, переходный характер носят и критерии социальной стратификации групп, процессы изменения которых достаточно сложны, поскольку слом старых общественных отношений опережает формирование новых. Чтобы понять происходящие в этой области сдвиги, полезно сравнить основные черты стратификации современного и доперестроечного общества, с которого начинался трансформационный процесс.

В стратификации советского общества решающую роль играл политический потенциал, определявшийся местом общественных групп в партийно-государственной иерархии. Место индивидов и групп в системе власти и управления предопределяло не только объем имевшихся у них прямых распорядительных прав, уровень принимаемых ими решений, но и круг социальных связей, а следовательно, масштаб неформальных возможностей. Стабильность политической системы СССР обуславливала устойчивость состава и положения

политической элиты — номенклатуры, ее замкнутость, отгороженность от остальных групп общества.

Современная политическая ситуация характеризуется резким ослаблением государственной власти. Напряженная борьба политических партий и группировок за власть, неразработанность их конструктивных программ, утрата доверия народа к большинству политических институтов и лидеров, невиданное распространение коррупции и беззакония обуславливают быструю сменяемость ведущих политиков и нестабильность политической системы в целом. Стратификация верхнего слоя общества по номенклатурному принципу находится "в состоянии полураспада" — ее остов еще сохраняется, но механизм воспроизводства разрушен. Перестроена система властных органов — ликвидированы одни, организованы другие, принципиально изменены функции третьих. В результате сегодня мы формально имеем другую систему руководящих должностей. Обновился и персональный состав высших должностных лиц, часть которых пришла из неуправленческих сфер деятельности. Тем самым ранее замкнутый верхний слой общества приоткрылся для выходцев из других групп. На первый взгляд прежней номенклатуры не стало, она исчезла, растворившись в других слоях общества. Но в действительности она продолжает существовать. Сохраняется подавляющая часть как должностей, ранее бывших номенклатурными (пусть и под другими названиями), так и связанных с ними властно-распорядительных функций. Более половины квазиноменклатурных должностей занимает прежняя политическая элита, в основном реализующая модели управленческой деятельности, характерные для советской системы. При этом между членами бывшей номенклатуры поддерживаются устойчивые деловые связи, способствующие сохранению ее сословно-классового сознания.

Тем не менее дестабилизация власти и личное "временничество" руководителей государства способствуют некоторому ослаблению политического компонента социальной стратификации. Объем власти и политических полномочий, безусловно, играет важную роль в формировании социального статуса групп. Но все же на первую роль выдвигается скорее политико-экономический фактор, т.е. место в управлении экономикой и приватизации общественной собственности. Перераспределение накопленного богатства (прежде всего, путем приватизации государственной собственности) — едва ли не единственная сфера управленческой деятельности, где роль политической власти усилилась. Прямая или косвенная причастность к перераспределению собственности служит сегодня важнейшим фактором, определяющим социальный статус работников.

В СССР *экономический потенциал* общественных групп измерялся не масштабами частной собственности, а мерой участия во владении, распределении и использовании общественного богатства. Названный критерий позволял выделить такие группы, как чиновники, распределявшие дефицитные социальные блага; руководители производств, распоряжавшиеся финансами и продукцией своих

предприятий и к тому же причастные к теневой экономике; работники материально-технического снабжения, оптовой и розничной торговли, сферы обслуживания и проч. Однако доля граждан, в той или иной мере причастных к распределительно-обменным процессам, не превышала 15—20%, массовые же слои общества не имели никаких прав в этой области. Их экономическая стратификация строилась в зависимости от уровня заработков и семейных доходов, определявшихся множеством факторов, начиная с характера и содержания труда, сфер и отраслей его приложения, ведомственной принадлежности предприятий и кончая численностью и составом семей. Взаимодействие экономических, социальных, региональных, демографических и прочих факторов создавало весьма причудливую картину экономической стратификации населения.

В настоящее время *экономический потенциал* общественных групп, как мне представляется, включает три компонента: а) владение капиталом, производящим доход, б) причастность к процессам распределения, перемещения и обмена общественного продукта и в) уровень личного дохода и потребления. Активно формируются разнообразные формы частной и, шире, негосударственной собственности (индивидуальная, групповая, кооперативная, акционерная, корпоративная и др.), возникают разные типы капитала (финансовый, торговый, промышленный и др.). В социальном плане более или менее отчетливо выделилась группа собственников частного капитала. Она включает и очень крупных, и средних, и мелких предпринимателей, в принципе относящихся к разным социальным слоям. Особое место здесь занимают крестьяне, владеющие личным хозяйством и становящиеся собственниками земли. Однако подавляющая часть россиян никакой производительной собственности не имеет.

Второй компонент *экономического потенциала* в доперестроечном обществе доминировал, а сейчас как будто бы начинает сдавать позиции первому. Во-первых, экономический статус среднего собственника выше, чем самого лучшего менеджера. Во-вторых, по мере приватизации экономики общественный продукт приобретает хозяина, что оставляет меньше возможностей его растаскивания. Но на практике этот процесс, ведущий к оздоровлению экономики, пробивает себе дорогу лишь как тенденция, так как в сложившейся неразберихе близость к "общественному пирогу", а по пути, к любым государственным материально-финансовым благам, играет большую роль, чем когда-либо. К сожалению, операционализировать критерий, а тем более измерить степень причастности экономических, профессиональных и должностных групп к распределительным механизмам непросто. Скорее всего, по этому признаку выделяются почти те же группы, что и раньше: руководители государственных и полугосударственных предприятий, в том числе акционерных обществ, ответственные работники и специалисты торговли: служащие материально-технического снабжения (коммерсанты, маклеры, дилеры и т.п.).

Хотя доля россиян, не имеющих ни собственного капитала (дела, бизнеса), ни доступа к перераспределению (в т.ч. присвоению) государственных благ за последние годы уменьшилась, они по-прежнему составляют самую многочисленную часть общества. *Экономический потенциал* формирующих ее групп определяется, как и прежде, уровнем зарплаток и доходов, получаемых за работу по найму. Главные же особенности современного положения, его отличия от состояния до перестройки заключаются, во-первых, в невиданно резкой имущественной поляризации общества, во-вторых, в почти полной и окончательной утере зависимости между трудом и доходом. Формирование многосекторной экономики, прекращение государственного регулирования зарплаты, отсутствие развитого и нормально функционирующего национального рынка труда, распространение явной и особенно скрытой безработицы обусловили хаос и беспредел в сфере оплаты труда и личных доходов. В результате большая часть массовых групп вытеснена за линию бедности, а значительная часть — и за линию нищеты.

Социокультурный потенциал играл в стратификации советского общества весьма ограниченную роль. Международные социологические исследования выявляли уникальную высокую в СССР, по сравнению с другими странами, независимость политического и экономического статусов групп от их культурного потенциала. Верхние слои советского общества были представлены в основном малообразованными людьми, враждебно настроенными к интеллигенции и культуре. Труд специалистов, особенно гуманитарного профиля, оплачивался ниже труда рабочих, творчески одаренные личности скорее преследовались, чем поощрялись. Разумеется, культурный уровень, образованность, развитые духовные интересы сказывались на образе жизни людей, а соответственно и на их социальном статусе. Но культурный потенциал стратифицировал не общество в целом, не всю его глубину, а преимущественно слои, не обладавшие заметным *политическим яла экономическим* потенциалом. Так, квалифицированные рабочие и служащие занимали более высокое положение, чем люди без образования и профессии, то же самое относилось к специалистам.

В настоящее время интенсивный распад старых и формирование новых общественных институтов вызывает значительное усиление как трудовой, так и социальной мобильности. В связи с этим повышается роль таких индивидуальных характеристик людей, как качество базового образования, способность к овладению новыми знаниями, уровень квалификации, широта кругозора, богатство профессионального опыта и проч. Возрастает общественная ценность профессионализма, а соответственно и роль *социокультурного* компонента стратификации. Но это тоже только тенденция, поскольку восходящей социальной мобильности способствует и широкий круг качеств, не связанных с культурным потенциалом.

Это — молодость, энергия, воля, организационные способности, готовность к риску, а нередко и моральная неразборчивость и др. К тому же современное российское общество затребует лишь ту часть культурного потенциала своих членов, которую можно использовать "здесь и сейчас". Отсюда — достаточно высокий спрос на квалифицированных и опытных инженеров, агрономов, врачей, учителей при растущей невостребованности ученых, работников культуры и искусства.

В настоящее время в России сосуществуют две относительно обособленные системы оценки и использования *социокультурного потенциала* работников. Первая действует в частном и полугосударственном секторах, испытывающих актуальную потребность в специалистах высокого уровня и потому высоко оплачивающих их работу. Вторая система, традиционно сохраняющаяся в госсекторе, по-прежнему несет на себе отпечаток нигилистического отношения к умственному труду. Результатом является разделение российской интеллигенции на три слоя: а) хорошо обеспеченные специалисты технического и экономико-правового профиля, занятые в частном и полугосударственном секторах экономики, б) более или менее поддерживаемые "на плаву" специалисты научно-технического профиля в производственных отраслях госсектора и в) занятые в бюджетных отраслях госсектора специалисты социально-гуманитарного профиля, в основном предоставленные самим себе.

Обобщая, можно сказать, что социальная структура российского общества, претерпев определенные изменения по сравнению с дореволюционным временем, тем не менее сохранила свои основные черты. Для существенной трансформации этой структуры необходимо глубокое преобразование систем собственности и власти, которое займет десятилетия. Тем временем стратификация общества будет терять свою жесткость и однозначность: границы между группами и слоями станут и далее "размываться", возникнет множество маргинальных групп, характеризующихся неопределенным и (или) противоречивым статусом. На первый взгляд это напоминает тенденцию к размыванию социально-классовой структуры современных западных обществ. Но", с моей точки зрения, такое сходство формально. Возникновение относительно однородных "обществ среднего класса" — черта постиндустриализма, Россия же находится лишь на индустриальной стадии и к тому же переживает глубокий кризис. В этих условиях социально-классовые различия в условиях жизнедеятельности (общественных групп, их функций в разделении труда, в роли в управлении госсобственностью, владении частной собственностью, доле присваиваемого и потребляемого общественного продукта и проч.) приобретают особую значимость. Они прорисовываются даже резче, чем прежде, определяя едва ли не все остальные стороны их социального статуса.